

12. Аверинцев С. Переводы: Многоценная жемчужина / С. Аверинцев [пер. с сирийского и греческого]. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. – 456 с.
13. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: АСТ, 2004. – 506 с.
14. Зеньковский В.В. Основы христианской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Канон+, 1996. – 560 с.
15. Фромм Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 443-482.
16. Бердяев Н. Смысл творчества (Опыт оправдания человека) / Н. Бердяев. – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. – 380 с.

Н.И. Гаврилов, Д.Г. Зырин

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОСВОЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ИННОВАЦИЯ

В статье раскрывается потенциал иррационального способа освоения реальности, рассматривается вера как гуманитарная инновация для преодоления неопределенности и снижения рисков.

Ключевые слова: *вера, иррациональность, неопределенность, риск.*

Современный этап общественного развития сопровождается огромной массой неведомых ранее проблем и неопределенностей. В быстро меняющихся условиях жизни человек не столько вынужден искать ответы на сложные вызовы действительности, сколько постоянно рисковать и принимать незамедлительные решения. И, как правило, на уровне отдельного индивида в процессе выработки решений, связанных с риском, в расчет принимаются не только знания и эмпирический опыт, но и иррациональные предчувствия и интуиция.

II. Філософські проблеми інновацій

С другой стороны, в научном сообществе укоренилось представление о том, что управление рисками соотносится лишь с рационализацией общественных отношений. Приписывая риску неоднозначную природу рационализации, исследователи не замечают, что именно риск обнаруживает неполноту рациональности, ибо рационализация всех сфер жизнедеятельности человека имеет далеко не всеохватывающий характер. Риск является главным компонентом неопределенности. Поэтому невозможно только в рациональных единицах измерения предвидеть, предсказать, просчитать с абсолютной точностью исходы развития событий.

Управление рисками сегодня во многом сопряжено с иррациональным аспектом выработки решений. Принимая решение, многие испытывают определенные сомнения, неуверенность в исходе своих начинаний, что создает дополнительную неопределенность для любого из них. И было бы неправильным полагать, что такая неопределенность напрямую коррелирует только с иррациональной стихией мистицизма, в которую нередко погружаются для поиска однозначных ответов. Ведь иррациональный способ освоения реальности в первую очередь соотносится с верой, а не с ее производными – доверием и уверенностью. И мы вынуждены констатировать, что в управлении рисками процесс выработки решения осуществляется только в рациональной системе координат и иррациональный компонент даже не принимается во внимание.

Целью данной статьи является реконструкция веры как главного компонента иррационального способа освоения реальности, которая должна стать гуманитарной инновацией для преодоления неопределенности и снижения риска.

В рамках классической философии «иррациональное» принято рассматривать как нечто еще не познанное, но принципиально познаваемое, т.е. допускается такой уровень освоения, в котором явления, закономерности не могут найти правильного объяснения вследствие *неизученности*. По ту сторону классических традиций Ницше настаивал на том, что нельзя рассматривать истину *ценнее видимости*. В этом он видел «простой моральный предрассудок» и «самую бездоказательную гипотезу, какая только есть на свете». «Признайтесь хотя бы в следующем: иначе, чем на почве точек зрения, перспектив, соответствующих оценок и кажимостей, жизни на земле вообще не было бы, а если совсем упразднить “кажущийся мир”, как того требуют добродетельное вдохновение и недалёкость некоторых философов, то ... от вашей “истины” не останется и следа!» [1, с. 142].

II. Філософські проблеми інновацій

Иррациональный способ освоения действительности в формате современного философского знания закрепился на таком уровне отражения природных и социальных явлений, который проявляется как в форме *видимости*, так и в форме *«иррациональных остатков»*. Существование иррационального способа освоения мира возможно, с одной стороны, через отражение видимости существенных явлений. С другой стороны, иррациональное освоение мира функционирует там, где человек сталкивается в процессе познания действительности с такими явлениями, которые невозможно пояснить способами познания. Когда в познании нет принципиальной возможности познать истинные знания об изучаемом объекте средствами и методами данной теории, появляется «иррациональный остаток», который хотя и является негативным моментом в системе наличного знания, но все же несет в себе положительный смысл – открывает простор для приращения новых знаний.

Субъективная реальность существования иррационального уровня отражения действительности объясняется тем, что сущность природных и социальных явлений может проявляться в форме видимости и в таком виде «оседать» на дно сознания человека. «Самообман, – отмечает Т.И. Ойзерман, – порождается видимостью, и этот самообман обычно заключается в том, что видимость воспринимается не как видимость, а как нечто совершенно другое, например, как сущность, закон» [2, с. 142]. Согласно К.А. Бычко, в иррациональном остатке сохраняются те знания, «содержание которых противоречит и установившейся истине, и известным фактам. Они представляют собой и наиболее динамичную часть научного знания, являются свидетельством прогресса науки, необходимости дальнейшего изучения определённого объекта познания» [3, с. 7].

Взаимосвязь рационального и иррационального в классической философии определена как диалектическая взаимосвязь чувственного и рационального, с одной стороны, и чувственного и иррационального – с другой. Формы чувственного уровня отражения являются исходным основанием как для рационального способа освоения мира, так и для иррационального способа освоения действительности. Рациональный и иррациональный уровни отражения снимают в себе это исходное основание – чувственный уровень отражения мира, и поэтому логично говорить только о двух способах освоения действительности как наиболее существенных: рациональном и иррациональном. Если рациональный способ освоения мира отражает диалектику взаимосвязи явления и сущности,

II. Філософські проблеми інновацій

то в иррациональном находит своё воплощение видимость проявления сущности.

Гегель исходил из понимания того, что, «поскольку в наличном бытии проводят различие *между существенным и несущественным*, это различие есть внешнее полагание, не затрагивающее самого наличного бытия, обособление одной его части от другой, разъединение, имеющее место в чём-то *третьем*. При этом неясно, что принадлежит существенному и что несущественному. Это различие создаётся каким-то внешним соображением и рассуждением, и потому одно и то же содержание следует рассматривать то как существенное, то как несущественное. При более внимательном рассмотрении оказывается, что сущность становится чем-то исключительно *существенным* в противоположность несущественному благодаря тому, что сущность взята лишь как снятое бытие или как снятое наличное бытие... Бытие или наличное бытие тем самым сохранилось не как иное, нежели сущность, и то непосредственное, которое ещё отличается от сущности, есть не просто несущественное наличное бытие, но и само по себе ничтожное непосредственное: оно лишь *не сущность...*, видимость» [4, с. 13].

Для неклассического мировосприятия важно то, что в иррациональном способе освоения действительности практически не развито различие между рассудком и чувствами. Рассудочное мышление у человека в формате иррациональности осуществляется в *наглядно-образном (эмоционально-чувственном) виде* и поэтому мало чем отличается от рассудочного мышления у животных, так как при первоначальном постижении новых объектов, когда и поскольку он *не может облечь совершающееся познание нового в словесную форму*, а оперирует подчас довольно неясными образами, чувственными данными. Неясность чувственных данных образов и связана в первую очередь с отражением видимости *существенного существования*. Гегель обращал внимание на то, что «эта видимость не есть нечто внешнее, иное по отношению к сущности, она собственная видимость сущности» [Там же, с. 12]. Следует обратить внимание на то, что видимость, в отличие от явления, обладает объективным онтологическим содержанием. Она выражает проявление сущности в одном, отдельно взятом отношении, является ее формой бытия, обнаружением сущности вещей на поверхности отношений в форме ее противоположности, непосредственности.

Принимая во внимание, что рациональный и иррациональный способы освоения мира суть противоположности единого процесса, мы должны признать, что они *не могут рассматриваться*

II. Філософські проблеми інновацій

разделенными во времени. Это так же протiwоестественно, как и в процессе познания сущности считать, что познаются только явления, а сущность якобы непознаваема. Скорее всего, здесь *можно говорить о различии между явлением и видимостью.* И, на первый взгляд, основным моментом, определяющим различие между видимостью и явлением, считается элемент искажения реальности, т.е. наличная видимость. Последнюю можно приравнивать также к заблуждению. Видимость может также проявляться в форме иллюзий. Особенно бурно произрастающих в условиях отчужденных форм социальности.

Иррациональный способ освоения реальности в классической картине мира главным образом основывается на слепой вере в иллюзорный, фантастический мир, который чаще всего создает мифологическую или религиозную картину мира. Поэтому вера здесь наделяется атрибутом необходимости: верю, потому что нельзя не верить. Изречение, которое приписывается Тертуллиану и Августину и которое выражает спор между верой и знанием, звучит как «верю, потому что абсурдно», ибо противоречит разуму, т.е. вера относится к тому, чего не могут познать ни чувства, ни разум. Но контекст этой фразы указывал на то, что вопреки всякому разуму, даже вопреки показаниям органов чувств, нужно учиться тому, чтобы уметь держаться веры.

Если проанализировать, какую функцию выполняет вера в освоении реальности, то увидим, что практически во всех исследованиях она рассматривается как предпосылка осуществления, необходимая поддержка, условие любой сколь-нибудь сложноорганизованной человеческой активности.

Так, иррациональная вера у Фромма проявляется как фанатическая убежденность в чем-то или в ком-то, суть которой в подчинении личному или внеличному иррациональному авторитету. Рациональная вера характеризует у него твердое убеждение, основанное на продуктивной интеллектуальной и эмоциональной активности. В структуре рационального мышления, считает он, вера «является как раз важной составляющей». В свою очередь, рациональной вере он предписывает независимость убеждений, основанных на собственном продуктивном наблюдении и размышлении. «Верить» в другого человека – значит быть уверенным в надежности и неизменности его основополагающей установки, в надежности и неизменности его личности [Там же, с. 102-103]. И самое главное различие заключается в том, что иррациональная вера – это состояние, в котором пребывает человек, пассивно ожидая осуществления своих надежд и упований, а рациональная вера

II. Філософські проблеми інновацій

опирається на наш собственный опыт продуктивности, она уже в силу этого не может быть пассивной, но должна быть выражением подлинной внутренней активности [Там же, с. 106].

Фромму удалось за феноменом веры увидеть ее обратную сторону, которую он облек в форму сомнения. Сомнение он рассматривает как установку, которая пропитывает личность насквозь. Сомнение, как и вера, имеет иррациональную природу. Для человека с иррациональным сомнением ни в одной из областей деятельности не существует ничего, обладающего свойством достоверности; все подвергается сомнению, ни в чем нет уверенности. Сомнение мучительно для человека, изнуряет его. Человек, лишенный веры, испытывает сомнение во всем – «в работе, в политике, в морали, но, что хуже всего, эти люди думают, будто такое состояние является нормальным состоянием ума. Они чувствуют себя одинокими, сбитыми с толку, бессильными изменить что-либо; в жизни они полагаются не на собственные мысли, эмоции, ощущения, а следуют официально принятым стандартам» [5, с. 99].

Функциональное назначение веры Б.С. Братусь видит в том, что «любое из задуманного способно осуществляться, но далеко не автоматически и обязательно, а более или менее вероятно (однокоренное слово с верой). И для этого недостаточно самого принятия решения, сознания мотива, доводов разума, усилий воли и т.п. Человек не машина, осуществляющая принятую или заданную ему программу по достижению результата. Человеку необходимо наличие целостного образа будущего, который поддерживается и живет в нем, с которым у него эмоциональная, теплая связь, в который – и иного слова не подобрать – он верит, часто, несмотря на колебания, ослабление воли или разумные доводы, призывающие повременить или вовсе прекратить деятельность» [6, с. 13].

Вера для Б.С. Братуся является специфическим психологическим механизмом. Он делает акцент на том, что «внутренняя достоверность не дается просто, задаром и одномоментно, но требует специальной психологической работы, усилий по строительству, восстановления образа веры. Этот процесс обычно начинается при довольно колеблющихся, почти равных шансах, равной меры веры и неверия, пятьдесят на пятьдесят. Вера в этих условиях должна преодолеть неверие, оформить и сохранить образ, вопреки неизбежным сомнениям. Именно здесь область возникновения, испытания и искушения веры» [Там же, с. 14].

Согласно Д.И. Дубровскому, «вера выполняет компенсаторную функцию, служит преодолению неопределенности.

II. Філософські проблеми інновацій

Она укоренена в бессознательном, в опыте, в интуиции, может выполнять и догматическую, и творческую функцию, служить самым невероятным заблуждениям и высочайшим порывам человеческого духа. Она интенциональна по своей природе, определяет векторы активности» [7, с. 15].

На наш взгляд, дальше всех в понимании веры как главного компонента иррационального способа освоения реальности продвинулся Бердяев. Полагая, что «в дискурсивном мышлении нет непосредственной данности бытия, а есть посредственность и выводимость», он предлагал «твердые первоосновы знания» искать в другом месте, «вне рациональной дискурсии» [8, с.42].

Бердяев считал, что само существование внешнего мира утверждается лишь верой. Доказательство данного тезиса он аргументировал тем, что «аксиомы недоказуемы, что они предмет веры, но как бы произвольной, обязательной, связывающей веры. Все исходное в знании недоказуемо, исходное непосредственно дано, в него верится. И все недоказуемое и непосредственное оказывается тверже доказуемого и выведенного» [8, с.43].

Ставя перед собой задачу, выяснить взаимосвязь веры и знания, он исходил из того, что «мы пока ничего не утверждаем о твердой ”вере”, первично испытываемой, лежащей в основе знания, но констатируем, что вся твердость знания в этой ”вере” коренится. И потому нет оснований утверждать, что знание имеет преимущество перед верой. Знание питается тем, что дает вера, и различие тут лишь в характере самой веры. Рационализм держится лишь тем, что не углубляется до первооснов, не восходит до истоков. В истоках же всегда находим веру» [Там же].

Погружаясь в то, что находится по ту сторону рациональности, Бердяев попадает в плен философии иррационализма. Его рассуждения о вере в контексте знания наполнены экзистенциями. В них не столько распознается субъект познания, который использует веру как познавательную технологию, сколько считаются преимущественно психологические состояния человека, который должен убедиться в приемлемости данной технологии для освоения реальности. В качестве атрибутов веры он рассматривает волю, любовь и свободу. В контексте веры для него значимы твердость и слабость веры. Согласно Бердяеву, «поверив» в этот мир, мы стали «знать» его; от силы веры нашей в этот мир знание наше этого мира стало обязательным и твердым. От мира же иного воля наша отвернулась, наша вера в иной мир или слаба, или совсем отсутствует, поэтому мы не знаем иного мира, наше отношение к нему

II. Філософські проблеми інновацій

необязательно и непринудительно. Разгадки двойственности мира этого и мира иного, вещей видимых и вещей невидимых нужно искать в тайне нашей умопостигаемой воли. Мы видим и знаем то, что полюбили и избрали, а то, от чего отпали, что отвергли, то перестаем видеть и знать. Лишь новым актом избрания, лишь новым актом любви можно сделать невидимые вещи видимыми и узнать их. Воля наша связала себя с так называемой «действительностью», и все в этой действительности кажется нам достоверным и твердым. Все же относящееся к забытым, иным мирам кажется нам зыбким, неопределенным, проблематическим, сомнительным; с мирами иными у нас нити порваны, воля наша отвращена от этих сфер бытия. Так тверда наша вера в этот мир, что наше отношение к этому миру принимает форму принуждающую, обязывающую, связывающую, т.е. форму знания. Мы не говорим уже, что верим в видимые вещи, мы знаем их; все, что к ним относится, обладает доказательной силой. Только о мире вещей невидимых говорим мы, что верим в них, а не знаем их, т.е. свободно избираем их или не избираем. Для данного мира действительности, мира видимого, объекта знания, волевой акт свободного избрания, т.е. акт веры, уже совершен, совершен втаинственной глубине бытия; для мира же иного, мира невидимых вещей, мы вновь должны совершить акт свободного волевого избрания, избрания того мира предметом своей любви, т.е. акт веры. Мир невидимых, нами утерянных вещей дается нам лишь вольным подвигом отречения, лишь риском и опасностью веры» [8, с. 44–45].

Наиболее примечательным для нашего исследования является то, что Бердяев соотносит веру с риском. Характеризуя противоположность веры и знания, он замечает, что «в вере, в обличении невидимых вещей, в волевом избрании иных миров есть риск и опасность. В дерзновении веры человек как бы бросается в пропасть, рискует или сломать себе голову, или все приобрести. В акте веры, в волевой решимости верить человек всегда стоит на краю бездны. Вера не знает гарантий, и требование гарантий от веры изобличает неспособность проникнуть в тайну веры. В отсутствии гарантий, в отсутствии доказательного принуждения – рискованность и опасность веры, и в этом же пленительность и подвиг веры. Человек поверивший есть человек свободно дерзнувший, преодолевший соблазн гарантирующих доказательств. Требование от веры гарантий, даваемых знанием, представляется похожим на желание пойти ва-банк в азартной игре, предварительно подсмотрев карту. Вот это подсматривание карты, эта боязнь риска, эта неспособность к свободному дерзновению есть у всех подменяющих веру знанием, у

II. Філософські проблеми інновацій

всех согласных верить лишь с гарантией. Обеспечьте надежность результатов, гарантируйте, докажите, т.е. принудите нас, – тогда поверим! Но тогда поздно уже будет поверить, тогда не нужно уже будет веры, тогда будет знание» [Там же, с.45-46].

Пребывая в плену религиозного мировоззрения, гносеологические основания веры Бердяев полностью растворяет в состоянии религиозного человека. В акте веры он видит «подвиг отречения, которого нет в акте знания. Акт веры у него есть акт свободной любви, не ведающей доказательств, гарантий, принуждений. Я верю в Бога моего не потому, что доказано мне бытие Его, что принужден к принятию Его, что гарантирован я залогами с небес, а потому, что люблю Его. Я ставлю все на карту, рискую, отрекаюсь от благоразумной рассудочности. Потому только и получаю. Нужно совершить переизбрание, избрать новый объект любви, т.е. отречься от старой любви к данной действительности, уже мне гарантированной, мне навязанной, сбросить с себя ветхого человека и родиться к новой жизни в новой, иной действительности. Подмена же веры знанием в данных условиях мира есть отказ от свободного выбора, есть трусость перед опасностью, перед проблематическим, предпочтение гарантированного и безопасного, т.е. жизнь под принуждением данной природной действительности» [Там же, с. 46].

Замена знания верой для него является отказом нести бремя мировой фактичности, с которой мы связаны по собственной вине. И даже знаменитое выражение Тертуллиана – «credo quia absurdum est» – характеризует у него только психологическую природу веры. Он объясняет это тем, что высшая разумность веры откроется лишь тогда, когда человек сможет рискнуть, согласиться на абсурд, отречься от своего разума, все поставить на карту и броситься в пропасть. Но до этого акта веры, до вольного отречения и согласия на все во имя веры не может открыться разумность веры, так как это было бы принудительным знанием. Нужно распластаться в акте веры, отречься от себя, тогда поднимаешься, тогда обретаешь высший разум. В вере индивидуальный малый разум отрекается от себя во имя разума божественного и дается универсальное, благодатное восприятие. В последней же глубине вера и знание – одно, т.е. обладание полнотой реального бытия [8, с.46].

В философии Бердяева знание только предполагает веру, оказывается формой веры, но веры элементарной и неполной, веры в низшую действительность. Знание есть доверие к ограниченному, земному кругозору; в акте научного знания человек стоит на месте, с

II. Філософські проблеми інновацій

которого не все видно, виден лишь небольшой кусок. Но когда он утверждает, что вера есть тоже знание, ибо знание через веру дается, то тем самым стремится не столько раскрыть природу веры в формате иррационального способа освоения реальности, сколько показать первичность веры по отношению к знанию. Поэтому он утверждает, что вера позволяет освоить знание высшее и полное, обрести видение всего, безграничности. Он признает, что научное знание познает действительность, но оно не понимает ограниченности и болезненности этой действительности. Как приверженец философии иррационализма он полагает, что в глубине знание и вера тождественны: знание есть вера, вера есть знание. Мир знания и веры условно даны как разные порядки, но они могут быть сведены к единству. Как ученый он не в силах игнорировать, что знание и вера глубоко различаются.

Мы в свою очередь исходим из того, что иррациональный способ освоения действительности является необходимым условием формирования мировоззрения человека. Благодаря этому способу, пусть косвенно, но происходит освоение сути наглядно видимой целесообразности бытия. В эмоционально-чувственной (интуитивно-образной) форме запечатлеваются еще неосознанные, загадочные, парапсихологические и аномальные явления. И они не могут не иметь отношения к освоению мира или не служить предпосылкой для появления новых открытий, творческого воображения и т.д. Основным элементом иррационального способа освоения мира является вера, посредством которой информация воспринимается как программа к действию без какого-либо ее осмысления.

Необходимо производить различие между слепой верой в сверхъестественное, иллюзорное, мистическое и верой, опирающейся на эмпирические знания, на опыт, на научные знания, т.е. верой, функционирующей на рациональном уровне освоения мира. Есть много знаний, истинность которых предположительна, хотя еще не вполне доказана, но мы воспринимаем их как истинные, поскольку они *соответствуют нашим мировоззренческим установкам, нашему практическому опыту*. Есть такие знания, которые мы *ожидаем получить в будущем*, и в них мы также верим, поскольку мы *заинтересованы в них*. В силу этого мировоззренческое видение будущего не может обходиться без веры, ибо достоверно предвидеть всё существенно важное для нас в будущем ходе событий невероятно трудно.

Вера на рациональном уровне есть не иллюзорное освоение действительности, а является необходимым элементом практически-

II. Філософські проблеми інновацій

духовного способу освоєння світу. На ірраціональному рівні освоєння світу віра реалізує свої властивості, в яких сприймається уявляема реальність як «дійсність», видимість як «сутність». Але уявляема реальність не обов'язково є фантастичною, ілюзорною. Тут можна згадати Ніцше. Він писав, що «... скажемо спасибі замість всього народженцю Далмації Босковичу, який разом з поляком Коперником залишається до сьогодні найкращим і непобедимим суперником видимості. Бо якщо Коперник уговорив нас повірити в те, що – незважаючи на дані органів почуттів – Земля не стоїть *на місці*, то Боскович переконав нас відмовитися від віри в те, що ще залишалося на землі твердого і нерухомого, від віри в "речовину", "матерію", в "земний залишок" – крупичку атома. Ось найбільша перемога над почуттями, коли-небудь одержана на землі...» [1, с. 130].

Віра має протирічливу характеристику в залежності від того, на якому рівні пізнання функціонує: на *раціональному* або на *ірраціональному*. Вона реалізує як одну, так і іншу протилежність – або це віра в реалістичне, або це віра в *ілюзорне, надприродне*.

Слід зауважити, що віра в надприродне – це не тільки основа для предрасудків і містики (хоча предрасудками легше всього замінюється недолік знань і незадоволеність існуючими суспільними порядками), але і для того, що ще не отримало пояснення в знанні: парапсихології, аномальних явищ і т.д. Ці явища зазвичай відносяться до магії, тому що містерія цих феноменів не зникає протягом багатьох століть. Саме тому важко погодитися, і це мало пояснює проявлення віри в надприродне на раціональному рівні.

Висновок слід зробити, що реалії сучасного життя справді вимагають всебічного дослідження феномену «ризик» в форматі гуманітарної інновації. Річ, в першу чергу, повинна йти про розробку таких підходів, які походять з розуміння суттєвих сил людини і розвитку його потенціальних можливостей в управлінській сфері діяльності. Для цього не тільки потрібно прагнути переосмислити методологічні основи реалізації ризику, але й слід розглянути всі його прояви в загальному цілісності раціонального і ірраціонального.

Всі це знову говорить про актуальність теми нашого дослідження і передбачає в подальшій перспективі занурення в суттєві основи ризику для розуміння різноманітних аспектів його прояви. Саме від цього в багатьох залежить, наскільки людина в

II. Філософські проблеми інновацій

ситуациях неопределенности сможет разумно полагаться на веру, чтобы согласовать свои действия с реальной действительностью.

Ссылки:

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Разделы первый и второй // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С. 122-149.
2. Ойзерман Т.И. Рациональное и иррациональное. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
3. Бычко А.К. У истоков христианского иррационализма. – К.: Политиздат Украины, 1984. – 140 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х т. – М.: Мысль, 1971. – Т.2. – 248 с.
5. Фромм Э. Вера как черта характера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. – Самара: Изд-ский дом «БАХРАХ», 2005. – 640 с.
6. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 3-19.
7. Дубровский Д.И. Психология XXI века: пророчества и прогнозы // Вопросы психологии. – 2001 – № 1. – С. 3-35.
8. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: Путь, 1911. – 280 с.

Гаврилов М.І., Зирін Д.Г. Ірраціональний спосіб освоєння невизначеностей як гуманітарна інновація

У статті розкривається потенціал ірраціонального способу освоєння реальності, розглядається віра як гуманітарна інновація для подолання невизначеності та зниження ризиків.

Ключові слова: віра, ірраціональність, невизначеність, ризик.

Gavrilov N.I., Zyrin D.G. Irrational way of mastering uncertainty as humanitarian innovation

The paper reveals the potential development of an irrational way of reality, faith is seen as a humanitarian innovation to overcome the uncertainty and risk reduction.

Keywords: faith, irrationality, uncertainty, risk.